

АНАТОЛИЙ
САНЖАРОВСКИЙ

ЖЕНА
НАПРОКАТ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

МОСКВА
«КНИГА ПО ТРЕБОВАНИЮ»
2012

УДК 82

ББК 83

C18

Санжаровский А.Н.

C18 «Жена напрокат» / Юмористические рассказы -
М.:Lennex Corp. – Подготовка макета: ООО «Книга по Требо-
ванию», 2012, - 230 с.

ISBN 978-5-458-23179-4

«Муж, найденный в стогу», «Стартовый поцелуй в овраге», «Смерть по графику», «Знаешь ли ты, дорогой, что я выхожу за тебя замуж?», «Осмелилась мышка пощекотать кошку» и другие юмористические рассказы составили сборник московского писателя Анатолия Санжаровского «Жена напрокат». Сочинения, вошедшие в эту книгу, прежде были опубликованы в «Литературной газете» («Клуб 12 стульев»), в «Крокодиле», в «Огоньке», в «Труде», в «Сельской жизни» и в других периодических изданиях.

УДК 82

ББК 83

*На первой странице обложки - фрагмент рисунка Сергея
Елкина «Тёмная сторона» любви».*

ISBN 978-5-458-23179-4

© Lennex Corp. 2012
© А. Н. Санжаровский. 2012

*Главное для писателя - работа без трупов.
Прочитал чтоб человек твою книжку и не по-
мер. Со скуки.*

Пока Бог миловал.

*К счастью, ещё ни один покойник не напи-
сал мне, что в скуке заснул над моей книгой
вечным сном. Ни у кого никаких претензий ко
мне.*

Буду стараться и дальше.

Чтоб мой читатель жил вечно.

И читал, читал, читал...

*Анатолій
Санжаровский*

МУЖ, НАЙДЕННЫЙ В СПОТУ

(История с историей моего первого фельетона)

*Жизнь развивается по спирали
и на каждом витке искрит.*

Тамара Клейман

Врач зайдёт, куда и солнце не заходит.

Грузинская пословица

Вид из нашего редакционного окна влетел на взмыленной кобылёнке с подвязанным хвостом молодой здоровяк, навспех привязал её к палисадной штакетине и через мгновение горой впинулся к нам в комнату.

- Кто из вас главный? - в нетерпении крикнул он.

В комнате нас куковало трое. Все мы были рядовые газетчики. Но в душе каждого сидел главный. Да кто ж признается в том на миру?

Все мы трое аккуратно уткнулись в свои ненаглядные родные бумажульки.

- Так кто ж из вас главнюк тут? – уже напористей шумнул ездун.

Мы все трое побольше набрали в рот воды.

Воды хватило всем.

Мы сидели в проходной комнате.

За нашими спинами была пускай не Москва, но всё же дверь к самому главному редактору.

На шум важно вышла из своего кабинета наша редакторша.

Мы все трое уважительно посмотрели на неё. И тем без слов сказали, кто в редакции главный.

- А что случилось? – спросила Анна Арсентьевна.

- Да вот! – Парень щёлкнул кнутом. – Пишите про эту гаду... Не то я эту чичирку захлещу кнутом. Вусмерть! Иля... Знакомыши подзуживают меня: «Да сорганизууй ты ему кислоту в хариус! Сразу перестанет липнуть к женскому вопросу!»

- А вот всего этого, погорячивый, не надо, - флегматично сказала Анна Арсентьевна. – Не то вас посадят.

- Тогда скорее пишите! Сеструха пришла к нему с зубами! А он её чуток не... Ну гад же!

- Можете не продолжать, - поморщилась Анна Арсентьевна. – Мы знаем, о ком вы... Это наша всерайонная зубная боль...

Тут Анна Арсентьевна повернулась ко мне.

- Это о Коновалове. Выслушайте, Толя, парня и пишите фельетон.

- Я ж младше всех в редакции! – в панике выкинул я белый флаг. - И я не написал ещё ни одного фельетона!

- Вот и напишете первый.

- Вот и напишете первый.

Я зачесал там, где не чесалось.

Мы вышли с парнем в коридор. И тут парня прорвало.

- Мы одни... По-молодому как мужик мужику я тебе выплесну, блиныч, вкратцах. Пришла она к нему с зубами. А он глянул ей в рот, и загоревал котяра: «У-у-у!.. Да у тебя страшный вывих невинности!» - Она и вытаращи на него иллюминаторы. Вошла в панику. В страхе допытывается: «Какой ещё вывих невинности?» - «Той самой. Святой. Богоданной!» - «Да у меня никто ничё и не отбил. Чё Боженька дал, то и при мне всё в полном комплекте! Я ещё ни с одним парубком толком не гуляла!» - «А тут парубка вовсе и не надь! Невинность - товарушко

хрупкий... Слишком резво махнула игривой ножкой иль там неловко присела - вот и получите дорогой вывих! Только ты, любопытшечка, не горюй. Я хорошо вправляю!» - «Но вы-то врачун по зубам!» - «И по всевозможным вывихам. Универсалище ещё тот!» - Она, дурёнка, и поверь. Вот невезёха!.. Поплелась к Коновалистому в чум – он живё тут жа, при поликлинике, - на вправление вывиха... Козлина этот шоком¹ дверь на крючок и разогнался было втюхать. Да не с той ноги побежал. Мы, борщёвские, люди хваткие. По мордяке честно добыл фрайер занюханый два разка! На том и вся кислая рассохлась канитель... Пиши про эту шмондю. Не то я за себя не поручусь... Устрою ему день Бородина!

А ночью мне, холостяку, приснилось, будто я уже казакою при жене и при сыне. И по пути из детсада забрели мы с ним в наш магазин. Выходим с молоком.

Идёт ровный, спокойный дождь.

- Папи, смотри! А дождь прямой. Без зарючки!

В дверях впереди него замешкалась молодуха.

И сынишка сердито толкнул её в левую паляницу.

Она нервно сбросила его ручонку со своей слобы:

- Что ты делаешь, мальчик?!

- Сынку, не толкай, - говорю я. - А то у тёти может произойти вывих невинности.

- Какой такой ещё невинности? – страшно подивилась подмолодка.

- Святой... Богоданной... – апостольски уточнил я.

Наснитя же такая глупь!

У меня впервые заболел зуб. С неделю уже маюсь. Всё мылился сбегать к врачу. Сегодня-завтра, сегодня-завтра...

¹ Ш о к о м - очень быстро.

И бежать к тому же Коновалову. В районном нашем сельце Щучьем другого зубаря нет.

Если сейчас настрочу про Коновалова, то как потом буду я у него лечиться? Этот же ротознавец вырвет из меня что-нибудь другое вместо больного зуба!

И наутро поплёлся я к нему как рядовой зубной страдалик.

Я ещё рта не успел толком раскрыть, как Коновалов с апломбом крикнул:

- Рвём!

- Может, для началки хоть немножко полечим?

- Трупы не лечим!

Я расстался с первым зубом и твёрдо решил заняться фельетоном.

Невесть откуда узнала про это наша редакционная бухгалтерша Люция Нам, приятная дама бальзаковского возраста, и сноровисто понесла Коновалова по кочкам:

- Этот Коновалистый такой тип! Это тако-ой типяра!.. Я прибежала к нему с зубами! А он помотался этак сладкими глазами по мне и: «Раздеваемся!» - «И вы тоже?» – спросила я невзначай и слегка шутя.

«Я при исполнении... Мне не обязательно...»

«А как раздеваемся?»

«Традиционно. Как всегда».

«И до чего раздеваемся?»

«До Евы».

«Но у меня же зуб!»

«И у меня зуб. И не один... И чего торговаться? Да знайте! Врач заходит даже туда, куда и стыдливое солнце не заходит! Раздеваемся! Трудовой народ за дверью ждёт!»

Я подняла на него жалюзи.² Не знаю, что и сказать.

«Ну зуб же болит! – толку свою петрушку. - А зачем раздеваться-то?»

И он мне фундаментально так вбубенивает:

² П о д н я т ь ж а л ю з и – внимательно посмотреть.

«Для выяснения *всей* научной полноты картины заболелания!»

Всей так всей... Чего уж там мелочиться! Да ради ж дорогой науки!..

Ну, разделась.

А он:

«Походим на четвереньках! Походим!»

Я чего-то упрямитесь не стала. Быстро-весело помолотила вокруг зубного станка. Разобрало, что ли... Я ещё и вокруг самого Коновала гордо прошпацировала на четырёх костях...

Он стоит слюнки глотает. Во работёха!

Я на него даже разок тигрицей зубами призывно щёлкнула.

А он весь распарился. Зырк на дверь, зырк на меня и никаких делодвижений. Ну не типяра ли он после этого?

Я понял, весь грех Коновалова слился в то, что он дальше горячих смотрин не шагнул. И случай с бухгалтершей я не воткнул в фельетонуху. И подлинную фамилию девушки не назвал. Всё меньше будет хлопот у борщёвских скалозубов. Вовсе не фельетон, а статья выплясалась у меня. И статьяра длинная, нудяшная.

А Анна Арсентьевна прочитала и сказала гордовато:

- Прекрасный фельетон! Вместе понесём на согласование в райком. Праздник! Первый фельетон в газете!

Февральским вьюжным вечером мы с редактором двинулись в райком. К первому секретарю с красивой фамилией Спасибо. К самому!

Тока не было.

Анна Арсентьевна с поэтическим подвывом читала ему моё творение при судорожно взрагивающем робком пламешке в лампе.

Отважно дыша через раз, я мёртвым столбиком торчал в чёрном углу.

Первому мой фельетонка глянулся:

- Прекрасный испёк фельетон! Надо громить этого алконавта и пернатого дружка! Только, - Спасибо пистолетом наставил на меня руководящий мохнатый палец, - дорисуй нужную концовку моими словами. Присядь на углу моего стола и запиши. Диктую: «Врач. Советский врач. Я преклоняюсь перед людьми, которые носят это святое звание. Ведь им мы вверяем самое дорогое – свою жизнь. И до слёз становится больно, когда среди них нет-нет да и промелькнёт пятнистая душонка, подобная Коновалову П. Е. И долго ли он будет чернить честь советского врача?» - И тут же сам уточнил: - До завтрашнего утра. Про утро не для печати... Записал?

- Почти... Спасибо Вам...

- Не за что.

После дополнительных бесчисленных руководящих усушек и утрусок мой фельетонидзе наконец-то прорисовался в газете.

В день его выхода Коновалов решительно наловился градуса. Ну как можно было такое событие не обмыть?

Он был такой *чистенький*, что никак не мог добрести до своей сакли и замертво пал отдохнуть в знакомом боевом стогу.

В тот исторический тёмный момент, когда над его фривольно откинутым в сторону башмаком белым тёплым облаком опускалось нечто непередаваемое на словах, он проснулся и очень даже уверенно взял хозяйку облака обеими руками за легендарное упругое королевское колено и почти твёрдо проговорил:

- А вот этого, душенька, делать не надь.

Она узнала знакомый голос и, в деланном испуге вскрикнув для приличия, поинтересовалась:

- Пал Егорыч! По этой египетской темнотище я вас и не заметила в стогу... Вы-то что тут делаете?

- Пришёл сынка наведать! – с вызовом болтнул он первое, что шатнулось на ум.

- Дак сынка-то не в стогу пока живё... В хате.